

# 1.4. Пространство капитализма

Вопрос о месте происхождения общества является предметом исследований. В рамках этого вопроса прилагаются усилия к тому, чтобы разобраться, с каким географическим регионом связано происхождение и развитие человеческого общества. Тема очень широкая. Здесь можно начать повествование с формирования Солнечной системы. Более того, в предмет изучения географии входит обширный список вопросов, включая вопросы об эволюции планеты Земля, представляющей собой третий пояс вокруг Солнечной системы. Тут можно говорить об атмосферных слоях, морях, океанах, водных потоках и осадках, сформировании скальных пород, о слое земли, живой природе в океанах и первых живых клетках, растительном мире, начавшемся с водорослей, мире животных, зародившихся с примитивных бактерий, взаимоотношениях между фауной и флорой. В общем смысле можно говорить об эволюции флоры и фауны, в частности, о том, на какой стадии эволюционного процесса началось формирование человека как вида, отошедшего от приматов, которых предположительно считают предками человека.

Ясно, что в наиболее общих чертах есть тесная корреляция во взаимоотношениях человека с географическим регионом в виде звеньев спирали. Например, если хотя бы на один день прекратят свое существование такие явления, как атмосфера, растения, животные, земля и источники питьевой воды, то и человек, как вид, прекратит свое существование. Даже мгновенное нарушение баланса между этими сферами может положить конец жизнедеятельности человека, как будто это является величественным произведением разума. Таким образом, всегда надо иметь в виду взаимоотношения в целом между человеком и географией. Без этого не может быть нормального изучения социологии. Но до последнего времени создавались наука, философия, религия, были написаны тысячи произведений, и все без учета этого фактора, точнее, полностью игнорируя эти взаимоотношения. Странно, но мифы, которые мы больше всего считаем не соответствующими действительности, в реальности гораздо больше интересовались характером взаимоотношений, которые мы можем назвать отношениями человека и географии. Такое положение вещей, по всей видимости, является следствием отрыва аналитического мышления от чувственного.

Гораздо более определенным является влияние места, то есть географических условий, на «длительную продолжительность» раннего родоплеменного периода в развитии человеческого общества. То, что до конца четвертого ледникового периода первобытное общество не смогло совершить серьезный скачок, можно было бы, помимо недостаточного уровня внутренней эволюции, объяснить неблагоприятными географическими условиями. Несколько миллионов лет, в течение которых, как предполагается, существовало родоплеменное общество, являются достаточным сроком для внутренних эволюционных

процессов. Значит, именно внешняя среда не давала возможности для развития. Все географы едины во мнении, что в конце четвертого ледникового периода (с XX тысячелетия до н. э. по настоящее время) сформировалась географическая среда, в общих чертах схожая с современной. Человек, прошедший до этого периода несколько этапов своего развития (возможно, за исключением Америки и большей части Океанических островов) в географических регионах, гораздо позже называемых Азией, Европой и Америкой, к концу четвертого ледникового периода перешел на новую стадию своего развития уже в виде *homo sapiens* (человека разумного).

Можно видеть, как с XXI тысячелетия до н. э. конкретизировались три культурные группы — все это представляется в сравнительном антрополого-археологическом аспекте. Первая — это семитская группа, близкая к негроидной расе, скорее всего, представляющая собой последнюю волну постоянного исхода с Африканского континента. Семиты смогли расселиться Северной Африке, Аравийской пустыне и местами у подножий горной системы Тавра и Загроса. До стадии приобщения к цивилизации они расселялись очень активно, в дальнейшем же — по мере возможностей. Вторую группу составляют племена, которые, покинув подножья Сибирских гор, через Берингов пролив оказались на североамериканском континенте; другая ветвь этой группы расселилась на Западном побережье, островах Тихого океана и внутренней материковой зоне вплоть до Средней Азии и местами до Восточной Европы (финно-угорские племена). Их порой называют желтолицы и краснокожими. Но самую большую группу формируют современные китайцы, японцы и турки. Остается индоевропейская группа, которую мы называем «белой» расой, и которая расселилась на более благоприятном и широком пространстве. Именно эти группы в основном положили начало цивилизации и ее предшествующей стадии — неолиту. Гораздо позже желтолицы и чернокожие, являвшиеся северными и южными видами, перешли на стадию неолита и цивилизации, но, на мой взгляд, это было бы крайне затруднительно без влияния белых.

Все ведущие антропологи, археологи, геологи и биологи едины во мнении, что подножья Тавра и Загроса обладали наиболее благоприятными условиями для развития в рамках индоевропейской группы сначала эпохи неолита, а затем уже — перехода к последующим стадиям цивилизации. Наряду с основными определяющими факторами, коими являются флора и фауна, достаточное количество осадков и наличие водных потоков, климат и геология, данный ареал, будучи основным транзитным регионом между Африкой, Азией и Европой, обладал идеальным географическим положением. Родоначальники индоевропейской группы, называемые первопроходцами мировой цивилизации арийской группой (вероятно, шумеры были первыми, кто использовал слово Ариан — современный Иран — ассоциирующееся с растительной культурой на холмах и подножьях), положив начало эпохе неолитического земледелия, позднее начали эпоху городов, государств и в целом цивилизации. При этом они сыграли главную роль в распространении цивилизации по всему миру. Не буду повторяться, поскольку первая книга моей Защитной речи была посвящена именно этой теме.

Обстоятельство, являющееся основным предметом нашего исследования, заключается в рассмотрении роли, сыгранной географией в победе капитализма не где-нибудь, а на территории современной Голландии, о которой в истории нет особых упоминаний, и

островной Англии.

Современные социологи зачастую сужают роль географии в рамках таких понятий, как «геополитика» и «геостратегия» и стараются дать свои толкования, игнорируя основную суть географии. Но дело в том, что взаимоотношения между нею и историко-социальным фактором требуют более фундаментального и первостепенного изучения. В данном случае надо не просто наблюдать за ветвями, а смотреть в корень вопроса. В целом географическое исследование эпох и цивилизаций является условием осмысленной антропологии и исторической науки. Не бывает истории без места возникновения. Впрочем, существующая во Вселенной дилемма места и времени постоянно является предметом внимания как средоточие фундаментальных масштабов. Взаимосвязь между этими двумя категориями, даже их взаимное превращение и объединение, является предметом постоянного обсуждения и оценки в рамках различных наук.

Вернемся к нашему рассказу о «коварном и сильном человеке». Действительно, я должен обратить ваше внимание на то, что я верю в необходимость связей между повествованием и тандемом «знание-наука». Я не уверен, что наука может обрести полный смысл без повествовательной составляющей. С этой точки зрения, повествование о «хитром и сильном человеке» является одним из тех понятий, которые должны стать краеугольными камнями в фундаменте социальных наук. Это необходимо для лучшего толкования некоторых общественных отношений. В сфере бесчисленных явлений и отношений повествование, как средство, вносит в науку наиболее ценный вклад. Поскольку религиозность, называемая позитивизмом, не в состоянии определить количество явлений и взаимоотношений, подтверждение которых попросту невозможно пол маркой позитивизма, наиболее правильным было бы развитие науки путем обращения к религии, нравственности, другим видам искусства, в основе которых лежит форма повествования. «Коварный и сильный человек», начав с воплощения в властвующем мужском образе, прошел долгий и извилистый, полный лабиринтов и ловушек, путь до апогея силы в современном мире. Очень важно исследовать обстоятельства деятельности этих людей, временами открытые, но порой тщательно скрываемые. Их возвеличивание как постоянной стратегической силы в рамках постоянных акций (экономических, политических, военных) и тактических действий позволило бы нам овладеть этими знаниями.

«Коварный и сильный человек», подобно грабителю, ворвался в домашний быт женщины. Но одного грабежа ему оказалось мало, и, что более страшно, держа женщину под страхом постоянного насилия, он превратил священный семейный очаг в логово сорока разбойников. Его никогда не покидало состояние души предателя, осознающего, что он совершает это преступление. Семена первого накопления капитала проросли именно в этих двух местах: первое — это захват дома непосредственно у тех, кто занимался домашним бытом, и второе — это расположение в «базовом центре», или близлежащих логовах сорока разбойников, превращенном в монополию в противовес официальной, узаконенной монополии государства. Поскольку «он» избегал контроля общества и государства, с самого начала блуждая между районами своего местопребывания в маске, скрывающей его коварное лицо. Он укрывался, но по возможности, выследив жертву, превращался в жестокого льва и набрасывался на нее. Порой же он ловил свою жертву с помощью обычной хитрости. Не преминул он превратиться в хамелеона, меняющего окраску в зависимости от обстановки, а

также стал докой по части торговли в пограничных точках. Город и сельская местность, до которой еще не могли добраться цивилизации, оказались под его четким контролем. Он стал специалистом по проникновению в те щели, которые образовывались на теле общества. Балансируя, сумел разграбить обе стороны. Он прекрасно понял, что мелкая торговля на местах не даст той максимальной прибыли, которую можно извлечь из длительной караванной торговли. Одним из основных правил его профессии стало то, что он буквально нюхом чувствовал прибыльные сферы. Было бы поучительно охарактеризовать его акции как стратегическое пиратство в прибыльных сферах. Когда говорят о том, что у капитала нет родины, подчеркивают вышеуказанные реалии.

Можно сказать, что, если город-рынок-торговля предвосхитили капиталиста, почему он не объявил о своей победе в этих местах гораздо раньше? Тут необходимо особенно пояснить, что у капитализма как системы нет прямой связи с развитой наукой и технологией. Подобно тому, как успешное рождение капитализма олицетворяется с городом Амстердамом, столь же успешное рождение капитализма могло бы состояться и в городе Урук. Торговцу или владельцу торгового прилавка, вступившим в сговор с властью, гораздо удобнее было бы оставаться владельцами своего хозяйства, а не вступать в игры со всей системой. Однако основная причина может заключаться в том, что жреческая, военная и политическая монополии не давали ему возможности установить собственную власть. Эти испытанные временем и узаконившиеся в обществе очаги силы могли видеть и лице четвертого очага силы в лице капитализма какую-то опасность, грозящую их существованию, вероятно даже в силу структуры капитализма.

Мы видим, как местами проверялась способность «коварного и сильного человека» играть с системой в качестве четвертой монополии. Но он всегда испытывает при этом поражение. Думаю, что неожиданное исчезновение ряда городов и превращение их в мусор на плодородной географической территории стало возможным именно вследствие такого развития событий. Превращение многих богатых купеческих городов, как ранней Шюхи, так и Средневековья, в руины может быть обусловлено военно-политическим сопротивлением четвертой монополии (раннего капитализма). Столь раннее исчезновение из истории города Хараппа в индийско-пакистанском регионе (в середине III тысячелетия до н. э. это был очень развитый, богатый, обладающий собственной письменностью город с гармоничной архитектурой) могло стать следствием неравной конкуренции и мятежа против тройной жреческо-военно-политической монополии. Будучи прежде торговой колонией в рамках шумерской цивилизации, вероятно, Хараппа встал на путь мятежа в поисках независимости. Если бы он смог обрести независимость, может быть, ему удалось построить систему амстердамского типа (первый опыт капитализма), поскольку у него не было таких условий, как у жрецов.

Еще более захватывающим является пример Карфагена. Этот город, построенный финикийцами на самом дальнем побережье Средиземного моря в VIII тысячелетии до н. э., полностью специализировался на торговле. Город Карфаген представлял культуру Западного Средиземноморья и Северной Африки и имел промежуточно-транзитное положение географическое расположение. Очевидно, этот город был очень развитым, но у него не оказалось потенциала, позволяющего создать империю, что и стало его слабостью. Помимо того, он оказался препятствием на пути тех, кто хотел создать империю. Не

исключено, что именно в этом и заключался его конфликт с Римом. Расположение на Апеннинском полуострове подвигало его на выход за пределы города-государства, и Рим обладал способностью к установлению республиканского или имперского режима на довольно обширной территории. Единственным условием освобождения Карфагена было создание в противовес испанской и французских монархий той же модели, что позднее создал Амстердам. Иными словами, Карфаген должен был объединить развитый торгово-монополистический характер города с механизмом капиталистического государства на постепенно расширяющемся географическом пространстве, как это было сделано Эмевидами на обширной территории от Испании до Северной Африки. Кроме этого, никаких шансов на освобождение от Римской Республики не было. И у Рима не было никаких шансов, кроме покорения Карфагена, поскольку у него под носом возникла и альтернатива, которая могла бы положить конец его собственному существованию. Как же это напоминает взаимоотношения между Кубой и США! Даже существует знаменитое предание о том, что римские сенаторы перед каждым своим заседанием поднимались и спрашивали друг друга: «Как же решить вопрос Карфагена?»

Пальмира — знаменитый город на востоке Сирии, переживший первый кризис упадка империи во второй половине III столетия н. э., испытал участь аналогичной жертвы Рима. Находясь в Сирии, я часто бывал в этом городе и ощущал волшебную магию и их руин. Крепость, расположенная на окраине хурмового сада, разбитого вокруг источника, бьющего в пустыне, крепостные стены, площадь, храм (знаменитый храм Дельф), здание сената, захоронения на равнине, длинные базарные ряды, многочисленные дворцы — все это осталось от величественной Пальмиры. Этот город обладал всеми качествами, позволившими ему стать чудом искусства камнерезов. Это был город, способный заполнить разум человека.

Значение Пальмиры было обусловлено ее расположением в центре сети торговых путей между Западом и Востоком, Севером и Югом, а также тем, что Пальмира играла роль буферного юрода-государства между Римом и Сасанидской империей. На протяжении многих лет Пальмира разрасталась и обогащалась на почве торговых монополий. Сравнение Пальмиры даже с Амстердамом периода капитализма и современным Нью-Йорком может показаться недостаточным. Речь идет о глобальном характере! Пальмира являлась таким же объектом беспокойности Римской империи, как и Карфаген. История свидетельствует о ю м, что Пальмира в последние периоды своего существования (270-е гг. н. э.) уже не хотела довольствоваться ролью политической силы, основанной на статусе королевства, являющегося сюзереном Рима, и решила стать альтернативой собственно Риму.

Удастся ли Пальмире добиться того, чего не добились Карфаген? Проблема в этом, и совершенно очевидно, что ситуация чревата опасностью. Говорят, что римский император Аврелиан, завоевавший Пальмиру после длительных столкновений, передал город властной царице того периода, Зиновии, в таком виде, в каком он был. Фактически утвердив зависимость Пальмиры от Рима, он отдал город Зиновии в качестве зависимой провинции. Но на обратном пути Аврелиан узнал о том, что завоеванная им Пальмира вновь восстала и требует независимости, и тогда он с большой силой напал на город. В этот раз он оставил на месте Пальмиры одни лишь руины и, не давая городу шансов на возрождение, вернулся в Рим. При этом он взял с собой царицу Зиновию, схваченную на берегу Евфрата при попытке

бегства к Сасанидам. История свидетельствует о том, что скованная Зиновия в роскошных царских одеждах была проведена за колесницей триумфатора Аврелиана на потеху римскому плебсу, как пленница.

Женский язык Рима всегда имел на меня серьезное влияние. После того, как я услышал повествование о царице Зиновии, мне кажется, я понял секрет этого языка. Рим — не просто город на перекрестке всех дорог; это город, в который стекались все цари и царицы, обладавшие мощью. Естественно, то, что со мной произошло (мой наполовину комический и наполовину трагический отъезд в Рим), можно объяснить этим эпизодом истории Рима. Если бы я хорошо усвоил уроки Спартака, святого апостола Павла и Джордано Бруно, ясно, что я был бы гораздо внимательнее. И еще, я должен был лучше прочитать А. Грамши. Эх, социалисты!

Единственным путем освобождения Пальмиры был путь, который позднее прошли Амстердам и Лондон. Пальмира восстала, но не смогла ничего добиться.

Было бы правильно привести в пример Афины античной эпохи. Этот город, ставший детищем морской торговли (500-350 гг. до н. э.), был своеобразной звездой цивилизации своей эпохи. Можно утверждать, что Афины были наиболее развитым городом примитивного капитализма. Крупные частные торговые монополии (негосударственные) решали вопросы на расстоянии сотен миль и километров. Все богатства стекались в Афины. С Восточного Средиземноморья — в Марсель, из Северной Африки — в Македонию, далее через сеть торговых путей Анатолия — Черное море в Афины стекались излишки продукции и деньги. В Афинах была создана философия, ремесло дошло до зародышевой стадии фабрик, на высоте оказалось искусство кораблестроения, присутствовал активный оборот денег. Везде у Афин были свои колонии. Сюда со всех сторон приезжали богатые люди, обладавшие большими деньгами. Впервые Афины обретают космополитический характер. Мое личное мнение заключается в том, что единственным препятствием перед победой капитализма была невозможность сохранения единства в условиях полуостровного положения. Не было проблем с рабочей силой, ведь на рынке рабы стоили дешевле кувшина воды. На той стадии, на которой оказались Афины, у них было два пути: или, выйдя за рамки прежней рабовладельческой структуры, создать национальное государство в масштабе полуострова, становясь, таким образом, прототипом Голландии, или же, будучи побежденной жрецами, полностью утратить свое значение. Спартанское царство, как сухопутная сила, и Персидская империя, распространившая свое влияние из-за моря, более ста лет подряд постоянно наносили удары по Афинам. Но, благодаря своей демократии, этот город постоянно сохранял свое значение. Македонские цари — Филипп и его сын Александр — буквально растерзали когтями Афины и довели до поражения в стратегическом смысле. После 300 г. до н. э. у Афин, оказавшихся перед фактом укрепления Рима и (эллинистических царств Анатолии, не осталось никаких шансов.

Демонстрация примеров протокапитализма в средневековой исламской цивилизации и примеров, созданных на полуострове Индостан, была бы попыткой грубого повторения. Наиболее зачитываемыми явлениями этого периода становятся знаменитые капиталистические города на Апеннинском полуострове. Венеция, Генуя и Флоренция утратили свои шансы на историческое опережение Амстердама и Лондона после того, как

государственные образования испанского, французского и австрийского происхождения, охваченные имперскими амбициями старого стиля, как и в целом на полуострове, лишили каждый из этих городов их господствующего положения.

Итальянские города сделали все необходимое для современного капитализма. Апеннинский полуостров с весомыми финансовыми накоплениями, банками, компаниями, системой кредитования, финансовыми средствами в виде векселей, внутренней и внешней торговлей, мануфактурами, ремесленниками и мастерами во всех сферах, комплексом всей индустриальной продукции того периода, республиканским и имперским опытом, религией и всевозможными течениями в период XIV-XVII вв. представляла собой лабораторию и прототип будущей Европы. Более того, Апеннинский полуостров стал родиной Ренессанса. Это, несомненно, связано передовыми отношениями и историческим наследием с другими географическими регионами Востока. Говорить об Италии той эпохи — все равно, что говорить об исламском Ближнем и Среднем Востоке, о Китае, Индии и даже набравшей обороты Руси. Все капиталы этого географического региона с ненасытным аппетитом переносились на полуостров усилиями торговых монополий всех городов, в первую очередь Венеции, Флоренции и Генуи. Что более важно, процессы урбанизации, проходившие под предводительством итальянских городов впервые в истории Европы в масштабе всей ее географии, способствовали формированию поразительного «центра земли» для накопления капитала. В любом европейском городе можно было увидеть руку итальянского купца. Впрочем, католическая церковь давно уже проложила почву для цивилизации. Ренессанс стал последним конкретным словом в плане завоевания господства.

Единственной причиной того, что Италии не удалось стать Англией и Голландией, оказалось ее географическое положение. Парадоксально, но один и тот же географический фактор способствовал превращению Италии в лидера в сфере городского капитализма, привел страну к колыбели победы капитализма в масштабе полуострова, но так и не дал ей совершить победный шаг. Попытка же привела к невиданным последствиям. Причина предельно ясна. Если бы Италия стала Англией более раннего периода, то, сокрушив короны испанской, французской и австрийской монархий, пытавшихся захватить ее, она оказалась бы второй мировой империей — точь-в-точь как это происходило «следствие второго выступления Рима, но на капиталистической социально-экономической почве. Устремления коронованных особ в отношении итальянских городов предельно ясны. Союз итальянских городов на капиталистической социально-экономической почве стал бы концом империй, и тенденция эта распространилась сначала в масштабе Европы, затем уже по всему миру. Для этого были все возможности, в первую очередь — капитал. Неудача действительно стала синонимом крупного поражения и трехсотлетнего национального отставания.

На мой взгляд, географические причины буквально на волосок отделили Италию от шанса стать вторым Римом. Первому Риму тоже буквально кое-как удалось спастись от уничтожения Войсками Ганнибала, напавшего на него с севера в результате плательного похода. В этот раз с севера нападала сила, равная не одному, а целым сорока Ганнибалам. Стало быть, у Италии никаких шансов не было. Единственным выходом было превращение арабского ислама в религию, утверждаемую мечом, как это было на всем Ближнем и Среднем Востоке. Если бы вместо римского христианства был ислам, или же утверждение католического христианства происходило наряду с его политическим распространением при

помощи меча, ход мировой истории оказался бы совершенно иным. Человек не может не спросить о том, каким бы был финал Рима, не будь христианства, и к чему бы это привело? Что более интересно: какими были бы последствия, если бы султан Мехмет Завоеватель, согласившись на предложение Папы, принял христианство и утверждал его огнем и мечом? История — это не сфера спекуляций, но нельзя отрицать и то, что история постоянно предлагает всевозможные альтернативные варианты. То, чего не могли достичь итальянские города, достигли Амстердам и Лондон в XVI столетии. Причины и следствия этого процесса являются объектом наибольших исследований историков и предметом диссертаций. Эта тема предельно освещена. Причины можно вкратце изложить так:

1. Наиболее слабые сферы всех старых цивилизаций, позже всех дошедшие до Атлантического океана, расположены на окраине северо-западной Европы.
2. Три наиболее мощные силы Европы, коими были французская, австрийская и испанская монархии, вели друг с другом войны за право господствовать на всем континенте.
3. Они не представлялись столь опасными, как итальянские города, и поэтому против них не выставлялась достаточная, объединенная сила.
4. Они препятствовали распространению Реформации в Европе.
5. Географическое расположение на Атлантическом побережье давало им серьезные преимущества во внутренней и внешней торговле.
6. Они переняли всю материальную и духовную культуру итальянских городов.
7. Это были наиболее слабые, с точки зрения материальной и духовной культуры, сферы феодализма.
8. Поскольку не был сформирован феодализм, способный воспрепятствовать капитализации транспорта, земледелия и индустрии, процесс цивилизации, возможно впервые, во многих регионах имел капиталистические черты.

Эти причинные факторы, которых мы могли бы назвать еще больше, тесно связаны с географическим положением. Геостратегия и геополитика действительно требуют наиболее благоприятного положения. Успех стал возможным при объединении географического положения с общественными условиями.

Европа, Азия и даже Африка — это три объединенных континента. Одним из наиболее серьезных утверждений антропологов является то, что до конца последнего ледникового периода Африка была в авангарде цепи «приключений» человечества. Но позднее этот передовой характер географического положения перешел к очень притягательным подножьям Тавра и Загроса, ставшим колыбелью неолитической революции. С 15000 лет до н. э. эти горные подножья подготовили все необходимое для процесса, который позднее станет цивилизацией. Речь идет о материальной и духовной культурной почве. Уместно было бы утверждать, что неолитическая революция является величайшей революцией во всей истории. Воды Тигра и Евфрата не просто способствовали

формированию наиболее плодородной почвы только лишь в дельте реки Халидж, но, благодаря судам и искусству судостроения привнесли в этот регион все культурные ценности. Начав свои первые приключения в мире цивилизации, такие города, как Эриду и Урук, собственно говоря, синтезировали все ценности чудовищного путешествия. Рост продолжался, подобно вбирающему в себя притоки водному потоку, вплоть до священных рек и впадения океан. Происходило это беспрерывно, с нарастающей силой.

Урук не был обычным очагом человеческой культуры — он олицетворял рождения нового чуда. Голос урукской богини Инанны и по сей день является источником легенд, стихов, Песен, и этот голос является голосом величественной культуры. Имеете с тем, это голос женщины, красота которой еще не была запятнана лапами уродливого мужчины. Культура Урука буквально расцвела на данной географической территории. Один за другим, подобно снежному кому, выростали города. Образовался целый пояс городов. «Коварный и сильный человек» на этот раз увидел истинный источник накопления в возрастающем торговом потенциале города. Начался обратный культурный поток и сторону горных подножий. Это оказалось началом процесса сужения и поглощения неолитического пространства городом. Постепенно угасающий голос Инанны — это голос женщины, теряющей свое влияние. Но, в отличие от этого, голос «коварного и сильного человека» уже раздавался все громче и громче. Префиксы шумерского языка относятся к женскому роду, и это обстоятельство свидетельствует о роли женщины в процессе формировании языка.

В данном случае нет необходимости раскрывать суть географических приключений цивилизации, основанной на силе. Но (ныло бы неплохо, если бы об этом написали. Мы ограничимся символическим обозначением того, что этот процесс протекал в форме главного русла и, пройдя тысячи километров среди скал и проблемных территорий, в конце концов, создал новую культуру в Амстердаме и Лондоне, после чего влился в Атлантический океан.

Ясно, что материальная и духовная культура, сформированная в этом географическом регионе в течение всего описываемого времени, под предводительством этих двух городов вынесла капиталистическую экономику и нацию на историческую арену. Эти регионы были среди тех, кто в числе последних достиг стадии неолитической культуры. Мы постоянно видим между географией и культурой наличие следующих отношений: в тех сферах, где старая культура имеет коренной характер, крайне тяжело формируется новая культура. Старая культура не может легко принять новую. Она защищает свои позиции, и это вполне понятно. Единственным пространством, которое не смогла завоевать старая цивилизация, оказались внутренние районы Аравийского полуострова. Эта географическая пустота сформировала социальную географию ислама. Без этого географического фактора не было бы ислама.

Северная Европа и две-три страны (понятие страны в смысле национальных границ в этот период только возникло), Англия и Голландия, с точки зрения старых цивилизаций, были девственными и пустыми землями. Именно с данными особенностями связано то, что любое семя, брошенное в эти земли, способно было озеленить эти вышеупомянутые пространства. Высоки были шансы на глубокое и постоянное укоренение.

Это самое семя капитализма было хорошо посеяно. Оно стало последним наследием урукской культуры, переносимым с одного берега на другой. Проводниками данного наследия всегда были торговцы. Говорят, что торговцы были именно теми людьми, которые лучше всех ощущали наиболее прибыльные сферы. Хочу особо подчеркнуть, что положительной реализации их шансов способствовали своего рода «пограничные» регионы, не нашедшие своего места на заре становления силовых позиций, а также преимущества долгого исторического пути. Протокапитализм укрепил свои шансы на господство, аннексировав все капиталистические открытия итальянских городов и занимаясь пиратскими захватами на путях, открытых силами Испании и Португалии. Они ассимилировали собственный язык. Таких факторов, как междоусобные войны между значительными европейскими силами, предотвращающие внешние угрозы, а также однозначно эффективная экономика как еще один внутренний фактор (дешевая рабочая сила и сырье), было достаточно для того, чтобы к концу XVI века рождение новых элементов на этом географическом пространстве оказалось успешным и вечным.

Эти две силы, различные лишь по форме, создав союз, достигли тех возможностей, позволявших им представлять новую экономику в мировом масштабе. Обновление экономики способствовало обновлению государства, его эволюции в направлении плодотворного и успешного государственного образования. Экономическое превосходство внесло свой вклад в укрепление поенного и политического превосходства. Купеческие монополии, впервые вступив в союз с государственными монополиями (Западно-Индийская и Восточно-Индийская компании), достигли уровня полуофициальных сил. Захватчики цивилизации, всегда прятавшиеся в углах и за монастырскими стенами, превратились в господ, законное положение которых впервые не вызывало никаких споров. Руками королей и королев они нацепили на себя все атрибуты аристократии. Подобно тому, как в свое время у урукского льва не было сил противостоять Гильгамешу, последние наследники этого льва, коими стали Амстердам и Лондон (не будем называть их львами), похоже, тоже не в состоянии противостоять натиску хищников. Если даже им удастся как-то выстоять, то их нетрудно задуть так, как в свое время Гильгамеш задудил льва.

Эпос, озвучивающий войну, в которую вступила богиня Инанна с первым богом в образе хитрого и жестокого мужчины, коим был страж города Эриду Энки, в целях возврата украденных коварным Энки ее 99 женских изобретений «ме» в виде произведений искусства, по существу, стал первым и наиболее значительным эпосом. Что касается английских и нидерландских королей, которые считаются наследницами культа Инанны, то их формирование в качестве символических фигур, олицетворяющих отражение на женской судьбе чуть ли не всех уродливых черт характера «коварного и сильного мужчины», становится кратким изложением всех приключений цивилизации.

---

Версия #1

Зверобой создал 25 декабря 2025 21:27:22

Зверобой обновил 25 декабря 2025 21:30:27